

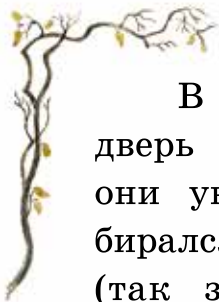
ГЛАВА 1

МИСТЕР ГИЛЛИГАН БЛЕСТЯЩЕ СПРАВЛЯЕТСЯ СО СВОЕЙ МИССИЕЙ

Тогда этот достойный джентльмен любил повторять Люсинде:
— Нам, знаешь ли, очень тогда повезло обоим. Тебе уже исполнилось десять, а мне — пятьдесят. Самое удачное сочетание, чтобы как следует подружиться.

Поначалу ни о каком мистере Гиллигане даже не было речи. Люсинда вместе с папой и мамой остановилась в старой гостинице «Геднихаус». Перед тем как родителям настало время отправляться на пароход, папа собирался препроводить дочь к сёстрам Питерс, как говорила Люсинда, «на своих двоих». Однако в результате всё вышло совсем по-другому, и мистер Гиллиган не собирался умалять своей роли. Ведь именно в его кебе Люсинда подъехала к дому, где жили сёстры Питерс, а потом мистер Гиллиган сопроводил её до квартиры на втором этаже. Но давайте обо всём по порядку.

В тот момент, когда папа Люсинды открыл дверь номера, чтобы отвести её к сёстрам Питерс, они увидели мальчика-посыльного. Он как раз собирался постучать к ним. Заметив мистера Уаймена (так звали папу Люсинды), мальчик вручил ему письмо. По почерку на конверте папа сразу догадался, кто его прислал.

— Это от твоей тётки Эмили, — мрачно объяснил он дочери. — Придётся вернуться и дать маме прочесть. А тебе, — поглядел он на посыльного, — лучше всего подождать в коридоре. Чувствую, без ответа не обойтись.

Папа Люсинды знал, о чём говорил. Тётя Эмили приходилась его жене старшей сестрой. Смысл своей жизни она видела в том, чтобы во всё постоянно вмешиваться. Во всяком случае, ни на какие другие дела эта достойная леди не тратила столько изобретательности и сил. Сунуть нос не в своё дело, повернуть всё по-своему было истинным её призванием. Бабушка Люсинды умерла, когда мама её была совсем маленькой. С тех пор бразды правления в доме перешли к тётке Эмили, и она получила священное право вмешиваться в дела всех домашних.

Теперь у мамы Люсинды были муж и дети, но всё равно она по-прежнему побаивалась старшей сестры. Вот почему, напутствуя дочь перед тем, как они с папой выходили из номера, мама чуть ли не в первую очередь упомянула о тётке Эмили.

— Запомни, милая, каждую субботу ты непременно должна навещать её. Тётя Эмили хочет сама заниматься с тобой шитьём. А потом ты будешь ужинать вместе с ней и кузинами.

Вслед за этим последовали и другие напутствия. Мама просила дочь не забывать по воскресеньям о церкви или воскресной школе («Выбери одно из двух, что тебе больше нравится, и обязательно ходи, милая!»); призывала записывать как можно больше в дневник («В будущем тебе будет интересно всё это читать!»); настаивала, чтобы с конца октября Люсинда не снимала тёплого белья («Помни: осенью легко простудиться!»). Но всё-таки тётя Эмили стояла на первом месте.

Впрочем, как мы уже убедились, напутствия были произнесены преждевременно. Отец и дочь возвратились. Мама взяла у папы письмо, и руки её задрожали.

— Давай-ка сядем, — шепнул папа Люсинде. — Не сомневаюсь, сейчас что-то произойдёт. А ты, — взглянул он ласково на жену, — читай вслух. Нам ведь тоже интересно узнать, что пишет милейшая Эмили.

— «Моя дорогая Бесси! — начала читать вслух мама Люсинды. — Чувство долга призывает меня говорить с тобой откровенно. Не думаю, что состояние твоего здоровья таково, как ты пишешь. Наверняка, прежде чем уезжать на лечение, ты могла бы всё обсудить со мной. Но раз уж этот твой доктор

Хичкок убедил тебя, мне остаётся лишь развести руками. Одно волнует меня: бросая на произвол судьбы единственную свою дочь, ты, кажется, не подумала, что было бы гораздо разумнее вверить девочку моему попечению. Конечно, дело твоё. Но я считаю, что ближайшие родственники справились бы с твоей дочерью куда лучше, нежели эта Питерс. Она, конечно, прекрасная женщина. Как учительница она тоже заслуживает всяких похвал. Однако очень сомнительно, что она будет хорошей наставницей для ребёнка вроде твоей Люсинды. Я не меньше тебя привязана к девочке, но будем называть вещи своими именами. Сама знаешь: твоя дочь упряма и чересчур откровенна...»

Мама Люсинды остановилась.

6 — Мне и в голову не могло прийти, что Эмили всё истолкует подобным образом! — воскликнула она, обескураженно поглядывая то на дочь, то на мужа.

— Вполне можно было предвидеть, — усмехнулся папа Люсинды. — Но я рассчитывал, что мы успеем уехать, прежде чем твоя сестрица спохватится. Давай дочитаем её письмо, дорогая. Любопытно: что она нам ещё посоветует?

Он подсел к жене и ласково обнял её. Та продолжала читать:

— «Мисс Питерс не имеет положения в обществе. Разве она способна дать подходящее воспитание девочке из такой благородной семьи, как наша? Да мисс Питерс смыслит в этом не больше, чем в разведении кроликов бельгийской породы!»

На этот раз чтению помешал громкий смех папы.

— Должен заметить, твоя сестрица позволяет себе быть вульгарной, — скорчив скорбную мину, проговорил он.

— Перестань, Фрэнк! — взмолилась жена, которая и так едва сдерживала слёзы. — А то мы никогда до конца не дочитаем.

— Прости, прости, продолжай, — тут же угомонился папа, и мама вновь принялась за письмо:

— «Люсинду вполне можно было бы поместить в комнате с Фрэнсис и Вирджинией. Конечно, пятый ребёнок в доме не слишком облегчит мою жизнь. Тем не менее я настоятельно требую, чтобы ты отправила свою дочь к нам. Тут она будет под присмотром гувернантки-француженки, в окружении моих благовоспитанных дочерей, да и я наконец смогу внести посильный вклад в её воспитание. Сама

мысль об этом скрасит для меня все неудобства, которые принесёт в мой дом твоя дочь. Не знаю, нужно ли мне к этому ещё что-нибудь добавлять».

Видимо, в следующий же момент сестрица Эмили нашла, что добавить кое-что всё-таки нужно, и письмо разрослось ещё на две страницы. Однако ещё прежде, чем они были дочитаны, мама Люсинды начала всхлипывать, а девочка решила, что лучше умрёт, чем согласится поехать к тётке.

— Фрэнк! — взмолилась жена, складывая письмо. — Как же я теперь оставлю Люсинду мисс Питерс?

— Очень просто! — беззаботно отвечал мистер Уаймен. — Будем считать, что этого письма просто не было. Наш пароход отходит через час. И на этот раз я не позволю твоей сестрице мешать нашим планам! — яростно треснул он кулаком по столу.

— Да, Фрэнк, — отозвалась жена, но теперь голос её звучал не столь уверенно. — Я вот только подумала вдруг... Люсинда... Она у нас действительно немного упрямая. И раз Эмили так считает... Всё-таки нам, наверное, придётся отправить Люсинду к ней.

Но тут в дело вмешалась сама Люсинда. Взвившись в воздух словно резиновый мячик, она завопила:

— Не поеду я к тёте Эмили! Думаете, я не поняла, что она ни кусочка свободного времени мне не оставит? Не нужны мне её благовоспитанные до-

чечки! Я всё равно от неё сбегу! «Ах, ах!» — Девочка принялась самым издевательским образом копировать интонации тётки: — «Моя французская гувернантка!», «Мои благовоспитанные!», «Ах, мой долг!».

В другое время родители непременно её отругали бы. Но сейчас у них просто не было времени. До отъезда оставалось совсем чуть-чуть, а они так ещё и не решили, как быть с Люсиндой.

Папа взял дочку за руку и сказал жене:

— Напиши своей сестрице записку! Пусть наконец поймёт, что мы не собираемся менять свои планы. Я хотел проводить Люсинду. Теперь, по милости тётушки Эмили, придётся отправить её в наёмном кебе одну. Что же касается парохода, — папа поглядел на часы, — то мы успеем на него лишь в том случае, если Бог будет к нам сегодня особенно милостив.

9

В следующую секунду мама села писать записку. Люсинда и папа принялись собираться. Мальчик-посыльный помогал им изо всех сил. Довольно скоро вещи Люсинды погрузили в лифт. Тут подоспели носильщик и гостиничный бой* Томми Хиккс. Люсинда успела с ним подружиться, и теперь он непременно хотел ей помочь.

Исход Люсинды из вестибюля старинной гостиницы напоминал торжественное шествие завоевателя эпохи Римской империи. Роли триумфаторов

* Бой — мальчик-рассыльный в гостинице.

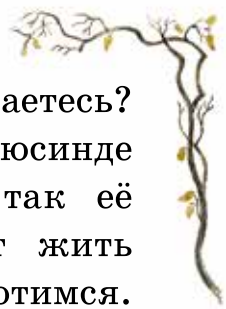

исполняли носильщик и мальчик-посыльный: в одной руке у него была стопка книг, перетянутая кожаными ремешками, а в другой — книги, не перетянутые ничем, так что их приходилось сжимать под мышкой. Следом вышагивал носильщик. Он водрузил себе на спину окованный медью сундучок. Когда-то мама ездила с ним в свадебное путешествие. Теперь девочка выпросила сундучок себе, и медные шляпки его гвоздей сияли на солнце, словно спина носильщика превратилась в усеянный звёздами ночной небосклон. Третьим в строю шёл папа. Ему доверили походную конторку, обтянутую зелёным сафьяном, в которой хранились письменные принадлежности Люсинды. Конторку родители подарили ей перед самым отъездом из дома. Кроме неё, папа с заметным усилием волок какое-то непонятное сооружение в старой занавеске из золотистого плюша. Но и этим папа не ограничился. Свободными пальцами правой руки он прихватил картонку, в которой при каждом шаге что-то звенело. Замыкал процессию Томми Хиккс. На его долю достался кожаный саквояж, такой большой и тяжёлый, что дно едва не волочилось по полу. Люсинда, как подлинный полководец, возглавляла процессию. Одной рукой она придерживала пару роликовых коньков, которые перекинула через плечо, другой вцепилась в гитару.

Мистер Спидлер, управляющий гостиницей, сутелся вокруг.

— Я вам помогу, мистер Уаймен, — говорил

он папе Люсинды. — Зачем вы так надрываетесь? Дайте мне хоть что-нибудь понести. А о Люсинде можете не тревожиться, сэр! Мы с женой так её полюбили! Не важно, что она теперь будет жить не в гостинице. Всё равно мы о ней позаботимся. Обещаю вам, мистер Уаймен!

Томми Хиккс, волоча из последних сил сакво-
яж, всё же сумел нагнать Люсинду ещё перед тем,
как она поравнялась со старым швейцаром Чарли.

— Дай честное индейское, что будешь заходить
к нам, Люсинда, — требовательно прошептал он.

Но девочка ничего не успела ему ответить.

— Погоди, погоди, милая! — раздался истош-
ный призыв сзади.

Секунду спустя перед Люсиндой остановилась
маленькая пухлая женщина. На руках она держа-
ла собачку. Это были миссис Колдуэлл и её вер-
ный пёс по кличке Пигмалион. Они очень спешили
из столовой, чтобы успеть попрощаться с Люсин-
дой. Тяжело отдуваясь, миссис Колдуэлл вlepила
девочке звонкий поцелуй.

— Нам с Пигмалионом очень будет тебя не хва-
тать, — сказала она. — Обещай приходить почаще.

— Обещаю! — энергично потрянула головой Лю-
синда.

Тут старый Чарли распахнул настежь дверь,
и триумфальная процессия вышла на улицу.

— Найди нам скорее кеб, Чарли! — крикнул
старому швейцару папа Люсинды.